

УДК 392.3

**СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НОВГОРОДСКИХ КРЕСТЬЯН
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ****FAMILY RELATIONS OF THE NOVGOROD PEASANTS IN THE POST-REFORM
PERIOD ACCORDING TO THE MATERIALS OF VOLOST COURTS****А.А. Даньшина
A.A. Danshina***Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Россия, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14**Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia**e-mail: nastenatuchkova@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе архивных источников рассматриваются личные и имущественные отношения в семье крестьян Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Дана характеристика крестьянских представлений о семье, о положении в семейной иерархии домохозяина, супругов, родителей и детей. Показан противоречивый характер семейных отношений: с одной стороны, сохранялись традиционные представления о них, с другой – начался кризис патриархальной семьи. В пореформенное время влияние отхода и города, проникновение товарно-денежных отношений в деревню повели за собой не только уменьшение численности крестьянской семьи, но и увеличение самостоятельности замужних женщин и взрослых детей.

Resume. This article deals with personal and property relationships in a peasant family of Novgorod Province in the second half of 19-th – beginning of 20-th centuries based on archive sources. Author gives the characteristics of a peasant notions about family and the status of a householder, spouses, parents and children in the family hierarchy. The author shows the contradictorines of family relations, on the one hand, the traditional notions about of them maintained, on the other hand, the crisis of the patriarchal family began. In the post-reform time the influence of the labor migration and the city culture, the penetration of commodity-money relations in the village promoted not only a reduction in the number of peasant families, but also an increase in the autonomy of married women and adult children.

Ключевые слова: семья, крестьяне, Новгородская губерния, пореформенное время, волостной суд.
Key words: family, peasantry, Novgorod Province, the post-reform time, volost court.

Семейная тематика актуальна из-за её важности для понимания истории народа, ведь семья и общество, государство взаимосвязаны, влияют друг на друга. Изучение русской крестьянской семьи происходит уже больше века, но и по сей день региональный аспект темы не достаточно изучен. Исследований семьи новгородских крестьян немного. Е.К. Розов лишь кратко упомянул о процессе дробления крестьянских семей и повышении в ней роли женщины¹. В.Н. Никулин в статье, посвящённой развитию местных и отхожих неземледельческих промыслов в пореформенное время, тезисно пишет о связанных с ними подрыве патриархальной семьи и повышении роли женщин в хозяйстве². Е.Г. Марькова изучила положение в семье девушки, замужней женщины, вдовы³. Д.В. Золотов подробно рассмотрел причины, порядок и последствия массовых семейных разделов, приведших к смене господствующей семейной организации с большой на малую⁴. Наконец, отношения родителей и детей, их мнения по вопросу вступления в брак затронуты в исследо-

¹ Розов Е.К. Эволюция крестьянской общины в Северо-Западном регионе России (конец XVIII-XIX вв.) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 15–17 ноября 1994 г. Великий Новгород, 1994. С. 104.; Розов Е.К. Новгородское крестьянство во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник НовГУ. 1995. № 2. С. 49.

² Никулин В.Н. Неземледельческие занятия крестьян Новгородской губернии в 1861–1904 гг. // Новгородский исторический сборник. № 3 (13). Л., 1989. С. 175.

³ Марькова Е.Г. Женский аспект в истории крестьянского семейного быта в документах Государственного архива Новгородской области конца XVIII – начала XX вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 2001–2002 гг. Ч. 2. Великий Новгород, 2002. С. 46–49.

⁴ Золотов Д.В. Крестьянские семейные разделы в пореформенной новгородской деревне // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2007. С. 109–114.

вании Е. Мильгуновой¹. Помимо специальных работ, посвящённых Новгородской губернии, крестьянская семья изучаемого региона частично рассматривается и в некоторых публикациях, в которых описывается русское крестьянство в целом. И.В. Власова указала на причину сохранения большой семьи в Белозерском уезде и в начале XX в.². М.М. Громько в своей фундаментальной монографии о крестьянском социуме редко приводила примеры внутрисемейных отношений, взятые из новгородских исторических источников³. В.А. Фёдоров в нескольких случаях ссылается на данные Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева, относящиеся к различным уездам Новгородской губернии, в которых говорится о приоритете общесемейных имущественных интересов над индивидуальными, о наличии личной собственности отдельных членов семьи и о широких личных и имущественных правах в малых семьях⁴. З.З. Мухина описывает, в том числе на новгородских источниках, должное поведение, взаимоотношения с семейными и налагаемые статусом обязанности для крестьянки из каждой социальной и возрастной группы⁵. Таким образом, семейная тематика новгородских крестьян обычно рассматривалась, а иногда и просто упоминалась, в контексте изучения экономической и гендерной истории, а главными источниками, на которых опирались историки, были материалы корреспондентов Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева и статистические данные. Очевидно, что проблема семейных отношений новгородских крестьян решена фрагментарно, отсутствуют исследования, рассматривающие крестьянскую семью в целом. Это было вызвано долгой традицией предпочтения изучения экономики и политики перед социальной историей. В современной российской историографии рассмотрение социальных структур и процессов является сравнительно новым и перспективным направлением.

Целью данной статьи является изучение эволюции крестьянской семьи Новгородской губернии в пореформенное время. Для этого необходимо сравнить представление крестьян о семье и внутрисемейные отношения в дореформенный и пореформенный периоды.

Для решения этих задач большую важность имеет анализ документов волостных судов, так как в них собран богатый материал о юридических воззрениях народа, множестве бытовых явлений, нормальном и девиантном поведении отдельных крестьян. Материалы фондов волостных судов недостаточно введены в научный оборот, что делает актуальным изучение крестьянской семьи именно на основе этих архивных источников. Данная статья является первым специальным исследованием семьи крестьян Новгородской губернии в пореформенное время, выполненном на основе документов волостных судов.

Как известно, волостной суд был выборным крестьянским сословным судом, в компетенцию которого входили мелкие гражданские и уголовные дела. Материалы волостных судов представляют собой результат крестьянского правосознания, основанного на обычном праве. Данный суд отличался отсутствием формального подхода к разбору дел и назначению наказаний, судьи учитывали мотивы правонарушений и различные обстоятельства дела, большую роль при вынесении решений играли показания свидетелей и предоставление документов, смягчающие или отягчающие вину факторы. Кроме того, порою судьи не были безупречными и независимыми от влиятельных в округе людей, из-за чего наблюдается большой разброс в вынесенных приговорах в сходных делах. Например, за публичное оскорбление девушки обидчику могло быть присуждено 20 розог, а в другом случае – уплата 25 копеек⁶. Но, несмотря на недостатки волостного суда, его близость и доступность привлекали к себе крестьян.

Будучи хорошим источником крестьянской жизни, материалы волостного суда отчётливо показывают их представление о семье. В понимании земледельцев семья – это союз родственников и свойственников, живущих на одном дворе, ведущих общее хозяйство, имеющих совместное потребление. Таким образом, в крестьянской семье сочетались трудовое и кровное начала, из-за чего синонимом слова «семья» у крестьян был термин «двор». Родство и трудовой вклад в хозяйство давал право на часть имущества, получаемое при отделе, разделе, выдаче замуж (приданое) или наследовании.

В крестьянском семействе личные и имущественные отношения были тесно взаимосвязаны, так, многие тяжбы содержат в себе информацию о нескольких сторонах крестьянского быта. Например, при разборе имущественного спора о принадлежности построек на дворе всплывают сведения о состоявшемся ранее разделе, его условиях и подробностях, а также информация о связях родственников после распада семьи⁷. Такая взаимосвязь была связана с тем, что положение человека в семье, зависящее от возраста, пола, степени родства или свойства, деловых и личных качеств, определяло права и обязанности человека, как личные, так и хозяйственные.

¹ Мильгунова Е. Свадьба «уходом», «самохотка в охапку» // Витославицы. Вып. 1. Великий Новгород, 2009. С. 54–55.

² Власова И.В. Семья // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 363.

³ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 66, 74–75.

⁴ Фёдоров В.А. Имущественные отношения в русской пореформенной крестьянской семье // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 364, 369, 370.

⁵ Мухина З.З. Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 102–103, 106–107.

⁶ Государственный архив Новгородской области (далее ГАНО). Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.; Ф. 75. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

⁷ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 32. Л. 294 об.-295.

Такое представление крестьян о семье было характерно не только для дореформенного времени, но и после отмены крепостного права, так как сохранялось неизменным основное занятие крестьян – земледелие, требующее занятости всех трудоспособных членов семьи.

На протяжении веков крестьянская семья была преимущественно большой и патриархальной, включала в себя несколько семейных пар с детьми и была руководима большаком. Этот домохозяин (или, в редких случаях, женщина) имел наибольшее количество обязанностей и полномочий, необходимых для руководства хозяйством и сохранения стабильности, согласия в семье. Как видно из гражданских дел, именно большак возбуждал иски или был ответчиком в делах, касавшихся имущественных и долговых споров, жена или другой член семьи мог заменить его в суде только по доверенности. Это связано с тем, что именно хозяин заключал сделки, брал или давал в долг, а за договоры, заключённые домочадцами без его согласия, он не отвечал. Глава семьи мог также защищать в суде личные интересы своих домашних, особенно дочерей и сестёр. В то же время некоторые гражданские и уголовные дела свидетельствуют и о большой личной власти большака над семьёй, которая могла стать причиной семейных неурядиц или доходить до произвола.

До суда семейные конфликты доходили из-за невозможности справиться своими силами или нежелании пользоваться неофициальным судом. Во многих таких делах фигурирует большак, причём в изученных на данный момент источниках чаще он выступает как ответчик, то есть младшие члены семьи чаще были недовольны. Конфликт поколений был новым явлением в пореформенной деревне и был одним из признаков кризиса патриархальной крестьянской семьи. Замечено, что чаще всего молодёжь была недовольна двумя семейными обычаями: полным подчинением воле большака и необходимостью трудиться исключительно на семью, а не на себя¹. Личные и экономические противоречия, появлявшиеся из-за этого ссоры привели к массовым семейным разделам, и, как следствие, к распаду большинства больших патриархальных семей на несколько малых².

Как правило, большаком был самый старший мужчина, отец и дед для остальных, и поэтому власть старшего в доме сочеталась с родительской, которая по традиции была велика. Домохозяину принадлежало право отдела и раздела семейного имущества, при разделе получая себе хорошую часть, он выдавал дочерей замуж, мог отказать в наследстве сыновьям за серьёзные проступки и наоборот выделить кого-то из детей в своём словесном или духовном завещании. Например, показательна важность отеческой воли для наследников в следующем случае: крестьянка Василиса, будучи единственным потомком своего зажиточного отца, стремилась утвердиться в правах наследования, но суд, приняв во внимание словесное завещание родителя, большую часть имущества оставил у её мужа, который был для покойного тестем³.

Особенно ярко большая власть домохозяина, доходившая в отдельных случаях до самоуправления, видна из дел, касаемых отношений крестьян с неродными детьми. Из-за хозяйственных и личных соображений в крестьянской среде нередкими были повторные браки, и современники часто указывали на тот факт, что обычно отношения пасынков и падчериц с отчимом или мачехой бывали напряжёнными, даже конфликтными. Судебные дела подтверждают эту тенденцию: практически во всех делах, где упоминаются пасынки, говорилось о семейных несогласиях. В основном, пасынки выступают как пострадавшая сторона: отчим мог жестоко обращаться с приёмными детьми, отказываться их кормить, а при выделе пасынку могли не добавить имущества⁴. Волостной суд в таких случаях исходил из представления о необходимости приёмного родителя кормить, защищать и обучать таких детей, как родных, поэтому при доказанной вине судья вставали на сторону потерпевших.

В целом, конфликты между родителями и взрослыми детьми стали в пореформенное время частым явлением. Влияние города, отхода, капиталистических отношений привели к увеличению индивидуализма. Всё чаще молодое поколение стало стремиться жить самостоятельно, по своей воле. Это проявлялось в случаях утаивания сыновьями заработанных на стороне денег, самовольного ухода из семьи и стремлении к разделам⁵. Архивные источники свидетельствуют о том, что инициаторами большинства семейных разделов были сыновья (в 20 случаях из 37)⁶.

Несмотря на широкие полномочия, власть отца понемногу ослабевала в пореформенное время. Например, нарушался обычай запрета раздела вопреки воли отца, причём такие разделы могли происходить и с санкции общины⁷, встречались случаи самовольного ухода из родительского дома не только сыновей, но и дочерей, чтобы выйти замуж без родительского согласия. Более того, встречались в судебных делах жалобы старых родителей на грубое обращение сыновей, их распутное поведение и непослушание⁸, что резко противоречило старому обычаю почтительного отношения к родителям.

¹ Например: ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 16. Л. 11 об., 108 об., 169 об.

² Золотов Д.В. Крестьянские семейные разделы в пореформенной новгородской деревне // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2007. С. 114.

³ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 16. Л. 5 об.

⁴ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об.-40; Д. 32. Л. 30 об.-31.

⁵ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 42-43; Д. 16. Л. 11 об., 108 об.

⁶ Подсчитано по: ГАНО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33; Ф. 60. Оп. 1. Д. 37, 75, 89, 93.

⁷ ГАНО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

⁸ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 32. Л. 17 об.-18.; Д. 16. Л. 11 об.-12., 256 об.-257.

Если взрослый сын или дочь могли выйти из отцовской власти ещё при его жизни, то власть мужа над женой обычно оставалась неизменной вплоть до смерти. Традиционное главенство мужчины в супружеских отношениях, освященное религией и обычаями, на практике означало его большую власть. От его характера, качеств, отношения к жене, умения вести хозяйство и состоятельности его двора во многом зависело положение женщины в семье и обществе. Судебные дела рисуют двойкий, противоречивый образ замужней крестьянки. С одной стороны, она выглядит как вполне самостоятельная личность, у неё могли быть собственные деньги и имущество, иногда даже значительное (например, некоторые владели мельницей или собственным участком леса¹, при отсутствии мужа с его согласия она могла вести дела и заменять его в суде, быть ему советницей или даже сообщницей в преступлении. Также она могла работать наравне с мужчинами на промыслах, например, на возке брёвен и пилке дров, или даже нанимать для этого работников. Такое увеличение занятости женщин, особенно в области мужских занятий, стало одной из отличительных черт пореформенного времени, вызванной вовлечением многих мужчин в отход и сокращением численности крестьянской семьи. Наконец, в случае оскорбления она искала защиты у суда самостоятельно, без участия мужа. С другой стороны, из некоторых дел видна её зависимость от мужа, случаи жестокого обращения с ней. Таких дел немного, так как женщины обращались в суд на своих мужей обычно только в крайнем случае, когда ситуация становилась вопиющей. Особенно тяжёлым было положение женщины в случаях нанесения побоев, его прелюбодеяния, ухода мужа из дома или изгнания её со двора. Как и в других делах, при разборе таких тяжб большое значение имели показания свидетелей, так, одно из дел о побоях жены было прекращено по её просьбе из-за отсутствия у неё доказательств². Но в большинстве случаев серьёзные проступки мужа не оставались безызвестными для соседей и других односельчан, поэтому мужья получали наказание за притеснения жены: розги, денежное взыскание и/или выдел части имущества³ (последнее – только в случаях расходов). Однако, как правило, такие меры воздействия не улучшали положение женщины в семье мужа-деспота, так как судьи не могли изменить личные отношения супругов. Но сам факт протеста крестьянок против несправедливого отношения к ним, публичное отстаивание своей правоты показывает развитие женского самосознания.

Встречались среди крестьянок и личности, не желающие жить в послушании мужу, которые могли без его согласия распродать имущество, уйти из дома или увезти детей в город для отдачи их в учение⁴. Крестьянское общество неприязненно относилось к таким «вздорным бабёнкам», осуждало такое поведение, поэтому если свидетели подтверждали беспутное поведение женщины, то крестьянка не могла надеяться на выигрыш своего дела в отношении мужа.

Другими словами, архивными документами подтверждается представление о переходном положении женщины в крестьянском социуме. Будучи тесно связанной с семьёй и домом, крестьянка была консервативна, но в процессе втягивания деревни в рыночные отношения она стала адаптироваться к новым условиям, что привело к зарождению у неё таких новых черт, как независимость, самостоятельность, уверенность в себе. Но, несмотря на эти изменения, в целом её семейная жизнь зависела в большей степени от мужа, а не от своих качеств.

Таким образом, материалы волостных судов показывают семейную жизнь крестьян во всем её разнообразии. Сохранялась её традиционная основа, представления о должном и неправильном поведении членов семьи оставались теми же, но в пореформенное время происходит увеличение самостоятельности замужних женщин и взрослых детей, которое могло доходить до недопустимых для патриархальных отношений поступков. Эти тенденции были связаны с изменяющимися условиями жизни крестьян, увеличением связей с городом, с расширяющимся отходом, проникновением товарных отношений в деревню, увеличением разделов, что подтачивало сложившийся образ жизни. С другой стороны, само учреждение волостных судов и их близость к крестьянам имело большое значение для отстаивания ими своих интересов: например, невозможно было жаловаться на большака или отца в своём семействе, но можно было попробовать добиться справедливости в суде. Хотя судьями там были выборные из крестьян, всё же они могли быть из других селений, не зная лично истцов и ответчиков, а значит быть более беспристрастными при рассмотрении дел.

Библиография

- Власова И.В. Семья. В кн.: Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 361-367.
Громько М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
Золотов Д.В. Крестьянские семейные разделы в пореформенной новгородской деревне. В кн.: Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: РГУ, 2007. С. 109-114.

¹ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 32. Л. 156 об.; Д. 16. Л. 257.

² ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 32. Л. 171 об.-172.

³ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1. Л. 34, 40; Д. 32. Л. 17, 184.

⁴ ГАНО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 32. Л. 93 об.-94, 157 об.-158.

Марькова Е.Г. Женский аспект в истории крестьянского семейного быта в документах Государственного архива Новгородской области конца XVIII – начала XX вв. В кн.: Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 2001-2002 гг. Великий Новгород: НовГУ, 2002. Ч. 2. С. 46-49.

Мильгунова Е. Свадьба «уходом», «самохотка в охапку». В кн.: Витославицы. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2009. Вып. 1. С. 54-56.

Мухина З.З. Социальные и возрастные группы в традиционном русском крестьянском социуме пореформенного времени: гендерный аспект // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 99-115.

Никулин В.Н. Неземледельческие занятия крестьян Новгородской губернии в 1861-1904 гг. В кн.: Новгородский исторический сборник. № 3 (13). Л.: Наука, 1989. С. 162-175.

Розов Е.К. Новгородское крестьянство во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник НовГУ. 1995. № 2. С. 44-49.

Розов Е.К. Эволюция крестьянской общины в Северо-Западном регионе России (конец XVIII-XIX вв.) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 15-17 ноября 1994 г. Великий Новгород: НовГУ, 1994. С. 103-104.

Фёдоров В.А. Имущественные отношения в русской пореформенной крестьянской семье. В кн.: Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 364-371.

References

Fjodorov V.A. Imushhestvennye otnoshenija v russkoj poreformennoj krest'janskoj sem'e. In Pjotr Andreevich Zajonchkovskij. Sbornik statej i vospominanij k stoletiju istorika. M.: ROSSPJeN, 2008. P. 364-371.

Gromyko M.M. Mir russkoj derevni. M.: Molodaja gvardija, 1991.

Mar'kova E.G. Zhenskij aspekt v istorii krest'janskogo semejnogo byta v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Novgorodskoj oblasti konca XVIII – nachala XX vv. In Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Materialy nauchnoj konferencii 2001-2002 gg. Velikij Novgorod: Izd-vo NovGU, 2002. No 2. Pp. 46-49.

Mil'gunova E. Svad'ba «uhodom», «samohotka v ohapku». In Vitoslavlicy. Velikij Novgorod: Izd-vo Novgorodskogo gosudarstvennogo ob#edinennogo muzeja-zapovednika, 2009. No 1. P. 54-56.

Muhina Z.Z. Social'nye i vozrastnye gruppy v tradicionnom russkom krest'janskom sociume poreformennogo vremeni: gendernyj aspekt. Jetnograficheskoe obozrenie. 2014. № 2. P. 99-115.

Nikul'in V.N. Nezemel'del'cheskie zanjatija krest'jan Novgorodskoj gubernii v 1861-1904 gg. In Novgorodskij istoricheskij sbornik. № 3 (13). L.: Nauka, 1989. P. 162-175.

Rozov E.K. Jevoľucija krest'janskoj obshhiny v Severo-Zapadnom regione Rossii (konec XVIII-XIX vv.) In Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Tezisy dokladov i soobshhenij nauchnoj konferencii 15-17 nojabrja 1994 g. Velikij Novgorod: Izd-vo NovGU, 1994. P. 103-104.

Rozov E.K. Novgorodskoe krest'janstvo vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov. Vestnik NovGU. 1995. № 2. P. 44-49.

Vlasova I.V. Sem'ja. In Jetnografija vostochnyh slavjan. Ocherki tradicionnoj kul'tury. M.: Nauka, 1987. P. 361-367.

Zolotov D.V. Krest'janskije semejnye razdely v poreformennoj novgorodskoj derevne. In Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii. Kaliningrad: Izd-vo RGU, 2007. P. 109-114.